

Максим Анатольевич Шахов
Принцип домино

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=151285
Шахов М. Крутая фишка: Авторский сборник: Эксмо; М.; 2001
ISBN 5-04-007425-5

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	6
Глава 3	8
Глава 4	9
Глава 5	11
Глава 6	13
Глава 7	14
Глава 8	16
Глава 9	19
Глава 10	20
Глава 11	22
Глава 12	24
Глава 13	28
Глава 14	29
Глава 15	30
Глава 16	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Максим ШАХОВ

ПРИНЦИП ДОМИНО

Все события, описанные в данной повести, являются вымышленными. Любые возможные совпадения имен и фактов с реальностью – случайны.

Глава 1

Был поздний летний вечер. Один из тех, когда цикады чаруют своим пением все Черноморское побережье Кавказа. В нескольких километрах справа подрагивали в нагретом за день воздухе огоньки Гагры. Огней было мало – после войны с Грузией с электричеством в Абхазии постоянно возникали проблемы. Зато дальше и выше в чернильном ночном небе колыхалось и вибрировало целое зарево. До российской границы отсюда было всего тридцать километров. И еще сорок пять – от границы до Сочи. А в Сочи, куда летом на отдых съезжалась вся политическая элита, отключать электричество не решался даже Чубайс.

Внизу серебрилось под луной море, изредка в сонном полузабытье отзывались птицы, и ничто не предвещало беды. А потом в шорохи южной ночи вклинился посторонний звук. И стал нарастать. Первыми почувствовали неладное и перестали подавать голоса птицы. Потом примолкли в кустах цикады. А минуту спустя из-за поворота показались две машины.

Замедлив ход, они остановились. Первой вильнула к обочине «Мазда», раскрашенная в цвета абхазской полиции. За ней тяжело ухнул тормозами «КамАЗ». Обе машины были изрядно припорошены пылью. Судя по всему, сегодня им пришлось проехать не меньше ста километров.

Водительская дверца «Мазды» открылась. На дорогу выбрался кривоногий тип в форме с кучей нашивок. В Гагрском полицейском управлении он был не последним человеком и занимал довольно высокую должность. Однако в Абхазии его еще с войны все знали как Хромого Гиви. Больше всего в жизни Хромой Гиви любил деньги. Об этом тоже знали все, и за глаза иногда называли его не Хромым, а Продажным.

Тем временем с подножки «КамАЗа» на дорогу спрыгнул рослый бородатый человек и сделал несколько быстрых шагов по направлению к берегу.

– Парядок, Бухгалтер, а? – проговорил Гиви с сильным акцентом. – Вон ано, море, а вон тама – Турция. Атсюда нэ видна, но можишь мне вэрить. Хромой Гиви свое дело знает, а? Плати втарой палавина дэнег, и я тэбя нэ видел. – В предчувствии окончательного расчета настроение у Продажного Гиви было хоть куда, и он даже пошутил: – Даберешься Турция, пришлешь аткрытка! Павешу рамка, ха-ха!..

Однако человек, которого Гиви назвал Бухгалтером, на шутку не отреагировал. И не засмеялся. Вместо этого он продолжал пристально вглядываться куда-то вниз, прикрывая глаза ладонью.

– Что, запаздываит пасудина? – на всякий случай спросил Гиви, хотя ему было абсолютно наплевать, на чем и как Бухгалтер и его люди будут уходить в Турцию.

Он свое дело сделал – беспрепятственно провел «КамАЗ» с боевиками от Гагрского хребта к морю. И теперь Продажный Гиви хотел только одного – побыстрее получить вторую часть своих денег и отвалить.

– Да нет, – наконец проговорил Бухгалтер с гораздо менее заметным, чем у Гиви, акцентом, – все в порядке. Посудина на месте.

– Да?.. – без интереса спросил Гиви, не обращая внимания на то, что от «КамАЗа» к нему бесшумно приближается еще один бородач.

– Ваха, рассчитайся! – бросил через плечо Бухгалтер.

– Ага! А то мне нада... – радостно проговорил Гиви, поворачиваясь, и это были его последние слова.

Блеснувший в руке Вахи огромный, почти полуметровый кинжал неестественно легко прошел сквозь глотку Продажного Гиви, и кровь тут же брызнула полукругом на пыльную дорогу. Хрипя и свистя, как простреленная гармошка, Гиви плюхнулся на колени, так и не успев ничего понять.

– Спакойна! – с кривой ухмылкой проговорил Ваха, отводя в сторону окровавленный кинжал.

– Готов? – по-прежнему не поворачивая головы, спросил Бухгалтер.

– Пашти, – склонился над убитым Ваха.

– Забери деньги.

– Ага, – кивнул Ваха.

Сунув в карман тугую пачку долларов, Бухгалтер опять повернулся к морю и посмотрел вниз.

– Грузите его в багажник и едем. Пусть Аслан сядет за руль и посигналит у ворот. Охрана машину этого козла наверняка знает. И не шумите там... Еще не время. Понял?

– Ага, – снова кивнул Ваха, вытирая кинжал о провонявшую потом рубаху Хромой Гиви. – Аслан! Давай сюда! Бистро!

Человек, которого Хромой Гиви называл Бухгалтером, когда-то действительно работал в грозненском банке. И не только бухгалтером, а даже управляющим. Но потом он занялся совсем другими делами. Уже давно Бухгалтер был чеченским полевым командиром.

Правда, по сводкам ФСБ и Антитеррористического центра, Бухгалтер числился «уничтоженным во время операции в Аргунском ущелье», что сейчас было ему на руку. Он по-прежнему неплохо считал и имел звериное чутье. Поэтому теперь, глядя вниз, Бухгалтер улыбался. Он был уверен, что на этот раз просчитал все правильно. И не ошибется, как Хромой Гиви.

Ни в какую Турцию Бухгалтер не собирался. Во всяком случае – пока. У него был другой план. И если этот план будет выполнен, то совсем скоро Бухгалтер станет очень знаменитым – как Басаев. Хотя в принципе на известность Бухгалтеру был наплевать. Просто без огласки в таком деле не обойтись.

Он сплюнул в сторону российской границы и быстро направился к «КамАЗу». Уже через пару минут обе машины развернулись и скрылись за поворотом. Вскоре их гул затих, но цикады, словно в предчувствии беды, еще долго не спешили возобновлять свое пение...

Глава 2

С Костей Кудиновым Агеев столкнулся совершенно случайно за час до отхода «Рассвета» у Сочинского морвокзала. После положенных в таких случаях объятий они самым естественным образом оказались в переполненном баре на втором этаже.

Щеки Кудинова украшала трехдневная щетина, а красные глаза здорово опухли. Да и вообще выглядел он каким-то потерянным и злым. К тому же, как выяснилось впоследствии, Костя обретался здесь практически без гроша в кармане.

Агеев был одет по уставу – в белоснежную форменную рубашку гражданского моряка с погонами и безукоризненно отутюженные темные брюки. Денег у него, правда, тоже было немного – рублей пятьсот от силы. Но даже с этими грошами в кармане на фоне помятого Кудинова Агеев смотрелся едва ли не кронпринцем.

Правда, если это и имело какое-то значение, то только для бармена, бросившего на Костю пару косых взглядов. Когда встречаются два однокашника по военно-морскому училищу, они не разбираются, кто из них принц, а кто нищий. Друг для друга они навсегда остаются гардемаринами – несмотря на прожитые годы, звания и мили, оставленные за кормой.

Агееву с Кудиновым было о чем вспомнить. И они вспомнили – о былых временах, о пацанах мертвых и пацанах живых. И, конечно, выпили за тех, кто в море. А потом уже дошли и до себя.

Агеев закончил Первый факультет и дослужился до старпома БПК. К тому времени на флоте «ловить» стало нечего, он демобилизовался и по большому благу устроился четвертым помощником в морское пароходство. Сейчас Агеев подменял третьего помощника на небольшом пассажирском судне «Рассвет» и поджидал свой сухогруз, застрявший в Марселе из-за долгов. Штатный третий помощник «Рассвета» укатил в отпуск на Алтай, а сам «Рассвет» стоял у стенки Сочинского морвокзала.

Выложив все это Кудинову, Агеев показал бармену два пальца и посмотрел на Костю:
– А у нас там как?

В вопросе Агеева чувствовался неподдельный интерес. Говоря «у нас», он, естественно, имел в виду «на Черноморском флоте». Несмотря на то что уже много лет Агеев был гражданским моряком, он все равно сказал «у нас», и Кудинов его отлично понял. Они по-прежнему были все теми же пареньками с Графской пристани в Севастополе и понимали друг друга с полуслова.

Что было странно, так это то, что Костя вдруг замялся с ответом. Дождавшись, пока бармен поставит на стойку две рюмки, он потянулся к своей, коротко чокнулся с озадаченным Агеевым и быстро выпил.

– Не знаю, – наконец проговорил Кудинов после паузы. – Наверное, хреново. Меня полгода назад дембельнули...

– Как? – тихо спросил Агеев. – По здоровью, что ли? Комиссовали?

– Да нет, – зло проговорил Кудинов. – По какому здоровью? В/ч нашу вывели из боевого состава флота. Навечно... Понял?

– Как – вывели? – уставился на Костю Агеев.

– Как-как?.. По приказу главкома! В/ч расформировать, материально-техническую часть передать аварийно-спасательной службе флота – и кранты! Не знаешь наших придурков? После «Курска» вышла директива любой ценой возродить водолазов-глубоководников! Денег нет, вот они и извернулись! Изыскали, значит, средства! Понял?

– Во дела! – покачал головой Агеев, снова заказывая у бармена две рюмки.

Выглядел он слегка пришибленным. Это заметил даже бармен. И было отчего. Ведь Кудинов с отличием закончил Второй факультет, но служил не совсем по своей специаль-

ности. О том, где служил Костя, знать вообще-то не полагалось – даже однокашникам. Но шила в мешке не утаишь. На флоте это суперсекретное подразделение именовалось дурацкой аббревиатурой ПДСС.

– И где ты теперь? – растерянно спросил Агеев, когда бармен поставил перед ними водку.

– Пока нигде, – пожал плечами Кудинов, торопливо хватая свою рюмку. – Квартиру в Севастополе забрали, приехал сюда к матери. Пока курортный сезон, сдаем «дикарям» койки, а там видно будет...

– Да, – покачал головой Агеев, – вовремя я с флота смылся... А помнишь, как в Балаклаве на втором курсе нас загнали на сутки в арсенал?..

Они поговорили еще немного, и тут Агеев вспомнил, что ему нужно готовиться к отходу. Какой-то крутой московский банкир зафрахтовал «Рассвет» для ночной прогулки в открытом море. Кудинов, естественно, пошел проводить Агеева до трапа. Тут выяснилось, что прогулка немного задерживается, и Агеев провел Костю в свою каюту, чтобы хлопнуть «отходную».

Глава 3

Полицейская «Мазда» притормозила перед аккуратными металлическими воротами, мигнула фарами и коротко посигналила. Охранник, дремавший в высокой застекленной будке, удивленно посмотрел на нее, зевнул и начал спускаться по железобетонной лестнице вниз. Фуражку он оставил в будке, а короткоствольный автомат прихватил, небрежно перекинув ремень через плечо.

Откуда-то из тени, отбрасываемой будкой, выскочила огромная овчарка и с лаем бросилась к воротам. Задыхаясь от ярости, она то и дело просовывала свою пасть в щель под низом ворот и щелкала зубами. Еще одна собака бесновалась где-то у освещенного прожектором пирса.

Пинком отогнав овчарку в сторону, охранник начал возиться с замком. Его напарник с автоматом показался у пирса и лениво направился к будке через освещенное пространство. Тем временем первый охранник управился с запорами, потянул на себя створку и сделал шаг вперед. Увидев, что из «Мазды» так никто и не вышел, он в самый последний момент заподозрил неладное, но сделать ничего не успел.

Справа в кустах что-то едва заметно вспыхнуло, охранник судорожно дернулся и начал клониться вперед. Еще до того, как он упал, из кустов выскочил Ваха и метнулся к воротам. На этот раз в руке у него был не тесак, а обычный с виду штык-нож. Только держал его Ваха почему-то рукояткой вперед.

Овчарка едва успела выскочить из ворот, когда Ваха вытянул вперед руку и нажал кнопку на рукоятке. Пуля калибра 7,62 бесшумно вылетела из нее и попала собаке в грудь. Удар был такой силы, что овчарку практически мгновенно разорвало пополам и отбросило на ворота уже бездыханной. Она даже не успела заскулить.

Ее злобный лай оборвался настолько внезапно, что второй охранник невольно остановился и бросил быстрый взгляд в направлении ворот. Странная тишина ему не понравилась, и он рывком сдернул с плеча автомат и передернул затвор. По другую сторону ворот Ваха и метнувшийся к нему от «Мазды» Аслан замерли и быстро переглянулись.

В китайском штык-ноже для разведчиков у Вахи оставался еще один патрон. Стрелял штык-нож бесшумно, но годился только для ближнего боя. А до охранника было метров двадцать или даже больше. Ваха сдвинулся влево и показал Аслану, чтобы тот открыл вторую створку. Аслан кивнул, отступил в тень и нажал ладонью на металлическую дверь.

Петли на воротах были смазаны, и поддалась створка довольно легко, набирая скорость, описала полукруг, а затем гулко стукнула о торчащий из земли штырь. Охранник вздрогнул и быстро оглянулся.

В этот момент в темноте за аккуратным домиком слева раздался едва слышный свистящий звук. Уже в следующий миг автомат выпал из рук охранника на асфальт, а следом рухнул на землю и он сам. Из-за домика выскочил бородатый чеченец и в несколько прыжков оказался рядом.

Охранник был еще жив. Его руки судорожно скребли асфальт, не в силах дотянуться до автомата. Чеченец быстро выдернул нож из спины охранника, задрал его голову и одним привычным движением перерезал горло от уха до уха.

– Порядок, Ваха! – крикнул чеченец, повернув бородатое лицо к воротам.

Ваха подался вперед, заглянул во двор и кивнул Аслану:

– Мигни фарами! Пусть едут!

Глава 4

Достав из холодильника бутылку коньяка, Агеев посмотрел на часы и сказал Косте:
– Чертов отход! Даже поговорить толком не успели. Ну да ладно. Мы завтра к обеду должны вернуться, я как раз сменюсь, тогда и посидим по-человечески. Подходи сюда к часу, сможешь?

– К часу? – тупо спросил Кудинов.

Оказавшись на пароходе, он то ли резко опьянел, то ли просто замкнулся в себе, но доходило до него все как-то туго. Происходящее с Костей все меньше и меньше нравилось Агееву, однако разбираться в этом времени не было.

– Да, – кивнул Агеев. – К часу. Пока сдам вахту, туда-сюда... Сможешь?

– Ага, – проговорил Костя, глядя куда-то в угол. – Смогу.

– Договорились.

Быстро наполнив рюмки, Агеев начал закручивать пробку. Тут в углу небольшой каюты зазвонил телефон.

– Третий помощник, слушаю! – проговорил Агеев в трубку. – Есть!.. Костя, – оглянулся Агеев, – я к кэпу, сейчас вернусь.

– Ага, – кивнул Кудинов, по-прежнему глядя в угол и сжимая в кулаке рюмку.

– Я сейчас, – повторил в дверях Агеев, но на этот раз Костя ему не ответил.

Повернув в конце коридора к трапу, Агеев поднялся на верхнюю палубу к каюте капитана, коротко постучался и вошел. Капитан, на морском жаргоне – мастер, был не один, а со старпомом – чифом. Экипаж на каботажный «Рассвет» собрали разношерстный: кто-то, вроде разжалованного из капитанов чифа, отбывал здесь ссылку за былые грехи, а кто-то, вроде Агеева, дожидался своего судна. Несмотря на это, все офицеры являлись первоклассными профессионалами, а работа на «Рассвете» была для них одним удовольствием. Вот и сейчас мастер с чифом «пропускали по маленькой».

– Агеев! – оглянулся мастер с микроскопической рюмкой в руке.

– Я!

– Иван Николаевич просится в отгул. Уважим человека?

– А то! – пожал плечами Агеев, с ухмылкой глядя на чифа.

Несмотря на свои пятьдесят, тот продолжал оставаться грозным половым гангстером, за что, собственно, и загремел на «Рассвет» с понижением.

– С выходом в море и швартовкой сам справишься? Проблем не будет?

– С таким выходом управится слепой, косой, глухой и хромой на одну ногу.

– Ясно? – посмотрел мастер на чифа.

– Так точно!

Мастер с чифом чокнулись и выпили. Они были одногодками и помнили еще доперестроечные времена, когда швартовые концы волочились за судами до Босфора. Так было принято – перепивались все, и выбрать сброшенные с берега концы было просто некому. На «Рассвете» до такого, конечно, не доходило, но на сто–сто пятьдесят грамм, выпитых офицером, мастер смотрел сквозь пальцы.

– Так я могу идти? – спросил Агеев.

– Да, – кивнул мастер. – Займись палубной командой и всем остальным. Я на тебя надеюсь. Понял?

– Так точно. В контору капитана порта вы позвоните или я?

– Позвони ты.

– Понял, – кивнул Агеев и притворил за собой дверь.

Заглянув на мостик, он связался с боцманом и приказал собрать через десять минут палубную команду для инструктажа. С точки зрения штурманской науки предстоящий выход в море был детской прогулкой, но подводить сидящих за переборкой «стариков-разбойников» Агеев не собирався – даже в мелочах. Позвонив навигатору, он отчитал его за старую карту и только после этого вернулся к себе.

– А вот и я! Давай, Костя, по-быстро... – проговорил Агеев с порога и вдруг осекся.

Кудинов, конечно, не ушел. Он по-прежнему был в каюте, но разговаривать с ним не имело смысла. Это Агеев понял сразу. А еще он понял то, о чем только догадывался, – за шесть месяцев выброшенный с флота Кудинов здорово спился. Если и не окончательно, то близко к тому.

Всего за десять минут Костя умудрился вылакать из горлышка поллитра коньяка. Растянувшись на диване, он спал в обнимку с пустой бутылкой и мирно посапывал во сне, словно большой ребенок. Сгружать в таком состоянии Кудинова на берег, конечно, было нельзя.

Хотя страшного на самом деле ничего не произошло. Переночевать Костя мог и на «Рассвете». Уложив Кудинова поудобней и прикрыв одеялом, Агеев выключил в каюте свет, закрыл дверь на ключ и вернулся на мостик. До начала инструктажа ему еще нужно было связаться с конторой капитана порта.

Глава 5

Пыльный «КамАЗ» въехал в ворота и направился напрямик к пирсу. Вторую собаку, оглашавшую окрестности злобным лаем, зарубили тесаком.

– Салман! – оглянулся Бухгалтер, спрыгнув с подножки.

– Я здесь!

– Проверь, как там!

– Ага! – кивнул боевик в тельняшке и бегом направился в самый конец пирса.

Убедившись, что ворота за «КамАЗом» закрыли, Бухгалтер приказал Вахе выставить наблюдателей и организовать разгрузку.

– А с этими казлами што делать? – кивнул Ваха головой в сторону убитых охранников. – Можит, в машину к Гиви и в море?

– Это успеется, – коротко сказал Бухгалтер. – Машина нам еще может пригодиться. Проследи за разгрузкой. Я к Салману.

Обогнув «КамАЗ» с боевиками, Бухгалтер торопливо направился в конец пирса. База, которую они захватили, принадлежала правительству непризнанной Абхазской республики. На стоящих у пирса катерах руководители Абхазии время от времени выходили в море – порыбачить и отдохнуть.

Катеров было несколько, но интересовали Бухгалтера не они, а едва видная из-за пирса «Комета» на подводных крыльях. Спрыгнув на боковую площадку «Кометы», Бухгалтер нырнул внутрь и отыскал Салмана внизу, в машинном отделении.

– Ну что? – спросил он, заглянув в узкий люк.

– Вроде порядок, – ответил Салман. – Топлива и масла под завязку. Попробовать запустить?

– А она того... не уедет?

– Нет. Мы же на холостых.

– Давай, – кивнул Бухгалтер.

Салман переставил ручку с дистанционного управления на местное и нажал кнопку запуска. В следующий миг тесное машинное отделение наполнил такой грохот, что Бухгалтер невольно подался назад и больно ударился о верхний край люка.

Корпус «Кометы» несколько раз вздрогнул, а потом где-то под днищем забурилась вода. Бухгалтер торопливо высунул голову наверх. Пока он приходил в себя от шума, Салман запустил второй дизель и вынырнул из люка. Захлопнув дверцу, крикнул на ухо Бухгалтеру:

– Порядок! Пусть прогреваются! Я на мостик!

С трудом разобрав слова Салмана, Бухгалтер быстро оглянулся и спросил:

– С ней точно все в порядке?

– Что?

– Я говорю, с ней точно все в порядке? Гремит сильно!

– Нормально! Как надо!

Салман махнул рукой и двинулся к мостику. Пройдя через переход следом за ним, Бухгалтер поднялся на боковую площадку и взобрался на пирс. Сердце учащенно билось в его груди, руки вспотели. Свистнув Вахе, он приказал быстро грузиться в «Комету», а сам отошел в тень, чтобы никто не мог рассмотреть его лица.

Все шло в точности так, как рассчитал Бухгалтер. Он долго ждал своего часа и наконец дождался. И теперь не мог сдержать улыбки. Боевикам, мечущимся по пирсу с ящиками, знать о переполнявших Бухгалтера чувствах было ни к чему. Они не более чем пешки в его игре.

Всего боевиков, одетых в одинаковые камуфляжные комбинезоны, с одинаковыми бородами и зелеными повязками на головах, было два десятка. Только трое из них – Ваха, Аслан и Салман, – воевали в отряде Бухгалтера и вместе с ним вырвались из Аргунского ущелья в Грузию. Остальные семнадцать человек – это добровольцы-смертники из других отрядов, которым тоже удалось просочиться через границу.

Они считали себя воинами аллаха и мечтали умереть за свободу Чечни. А Бухгалтер собирался им в этом помочь. Но для того, чтобы все прошло гладко, он тоже должен был соответствовать образу воина аллаха, мечтавшего умереть. И пока у него это хорошо получалось.

План, в который смертников посветили после страшной клятвы на Коране, заключался в следующем. Под покровом ночи они должны захватить в открытом море пароход с пассажирами на борту. После этого Ваха от имени Бухгалтера должен вступить в переговоры с российскими властями и потребовать предоставления независимости Чечне в обмен на жизнь заложников.

Бухгалтер объяснил смертникам, что сначала на это никто, естественно, не пойдет. Российские власти будут затягивать переговоры и готовиться к захвату судна. За это время Ваха свяжется с важнейшими телеканалами и газетами и передаст им заявление Бухгалтера.

В заявлении будет говориться о том, что в связи с нежеланием российских властей вести переговоры, боевики вынуждены приступить к методическим казням заложников. Пока – по одному в час. Вина за их смерти полностью на совести Москвы, и прекращены казни будут только в случае, если президент лично прибудет в Сочи и встретится с Бухгалтером.

Целью такого шантажа было вынудить президента под напором СМИ и общественности срочно прибыть в Сочи. Бухгалтер говорил смертникам, что после «Курска» это обязательно должно сработать. И вот как раз тогда Бухгалтер и собирался встретиться с президентом России.

Только не на нейтральной территории, а на правительственной трассе у аэропорта. Встреча должна была стать для всех неожиданностью и сопровождаться салютом из гранатометов. Бухгалтер сразу после захвата пассажирского судна планировал вернуться на «Комете» к берегу и начать подготовку к покушению вместе с братом, который уже находился в Сочи.

Для того чтобы все удалось, боевикам на захваченном судне предстояло стоять насмерть. Они были к этому готовы. Хотя и допускалось, что в случае удачного покушения воины аллаха смогут уйти с заложниками в Турцию. Бухгалтер считал, что после гибели президента в российском руководстве возникнет настоящая паника и никто не решится задержать судно, взяв на себя ответственность за жизнь заложников. Он также говорил, что деморализованное российское руководство в этот момент просто вынуждено будет пойти на переговоры о предоставлении Чечне нового статуса.

И смертники верили Бухгалтеру – почти как аллаху...

Глава 6

Отход «Рассвета» задержали из-за какой-то певички. Ее с директором подвезли к трапу в самый последний момент на белом лимузине. Лимузин принадлежал тому самому банкиру, который зафрахтовал «Рассвет». Банкир оказался высоким крупным пятидесятилетним мужчиной с лысиной, усами и брюшком.

Несмотря на то что «Рассвет» уже четвертый день находился в его распоряжении, видел Агеев банкира впервые. Еще до того, как из машин сопровождения высыпала охрана, банкир без посторонней помощи выбрался из лимузина и тут же галантно подал ручку певичке. Директору певички никто подать руки не догадался, и выползать на свет божий из кожаных подушек ему пришлось самому.

Десяток охранников в строгих темных костюмах с микроскопическими наушниками в ушах тут же развернули бурную деятельность. Образовав нечто вроде полукруга, они принялись переговариваться друг с другом по рации, несмотря на то, что разделяло их всего несколько метров.

Подведя певичку к узкому трапу, банкир пропустил ее вперед и двинулся следом. За ним по гулким металлическим ступеням начал взбираться директор певички, а следом гуськом потянулась обливающаяся потом охрана в своих строгих костюмах. Замыкал шествие начальник охраны, тащивший забытый в лимузине белый пиджак банкира.

Мастер встретил прибывших у трапа и доложил, что «Рассвет» к отходу готов. Банкир пожал ему руку, царственным жестом пригласил певичку на борт и приказал сниматься с якоря. Агеев, наблюдавший за происходящим сверху, с крыла мостика, хмыкнул и поднес ко рту микрофон «спикера».

Насчет того, чтобы сниматься с якоря, банкир, конечно, малость «загнул». Ему явно было невдомек, что якоря бросаются в море на рейде, а не у причала. Хотя, конечно, удивительного в этом мало – даже в «Бриллиантовой руке» «Михаил Светлов» бросал якорь, швартуясь у стенки Одесского морвокзала. С точки зрения штурманской науки это примерно то же самое, как если бы самолет перед посадкой отбрасывал шасси. Но фильм смотрели все – и ничего.

Отдавая с крыла мостика команды по «спикеру», Агеев время от времени поглядывал назад, где на прогулочной палубе тусовались и прогуливались около сотни гостей банкира. Публика была разношерстной, но состояла главным образом из любителей выпить и закусь на дармовщину. Это чувствовалось по общему настрою, и Агеев вдруг подумал, что без ЧП сегодняшняя прогулка не обойдется. Или кто-то выпадет за борт, или грохнется с трапа и переломает ноги.

Но это были уже не проблемы Агеева, а головная боль пассажирского помощника «Рассвета». Привезенную раньше аппаратуру певички уже почти установили на открытой эстраде под навесом, и там же мелькнул электромеханик. Агеев, увидев его, негромко выматерился, потом нажал кнопку микрофона и загнал подчиненного в машинное отделение.

Электромеханик на «Рассвете» был молодой и наверняка в популярной певичке души не чаял. Безусловно, это его личное дело, но по расписанию он еще пять минут назад должен был спуститься в «машину». Решив выписать ему «звездочкой» сразу после выхода в море, Агеев взялся за ручку машинного телеграфа и отработал команду «Готовьсь!».

Глава 7

Встав на крылья, «Комета» понеслась над поверхностью воды, и берег тут же стал стремительно удаляться. Одинокая фигура Аслана у пирса вскоре растворилась в темноте. Бухгалтер нырнул в надстройку, открыл дверь ходовой рубки и, поднявшись по лесенке, спросил у Салмана:

– Порядок?

– Ага, – ответил Салман. – Даже радар работает.

– И что он показывает?

– В радиусе действия пять объектов. Какая-то мелочь, кроме одного – в трех милях по курсу.

– Пограницы? – быстро спросил Бухгалтер.

– Похоже. Расстояние от берега для них подходящее. Что делать будем?

– Отворачивай.

– Ага, – кивнул Салман, перекладывая штурвал.

«Комета» плавно отклонилась от первоначального курса и заскользила над серебристой гладью воды, пропуская между крыльями и днищем лунную дорожку. Рев высокооборотных дизелей в рубке почти не ощущался, и зрелище отсюда открывалось фантастическое. Казалось, что «Комета» бесшумно, как гигантская птица, летит над водой, пожирая милю за милей.

Нервно поглядывая на экран радара, Бухгалтер и Салман только пару раз обменялись короткими фразами. Они надеялись, что сегодня удастся избежать встречи с пограничниками.

Примерно через полчаса «Комета» приблизилась к границе двенадцатимильной зоны, и Салман сказал об этом Бухгалтеру. Бухгалтер облегченно вздохнул и провел ладонью по взмокшему затылку. Но именно в этот момент справа что-то ослепительно вспыхнуло, и рубка озарилась нестерпимо ярким светом.

– Что это?! – вскрикнул Бухгалтер, закрывая глаза рукой.

– Пограницы, мать их так! – выдохнул Салман, оглядываясь.

Пограничный катер вылетел из темноты и теперь шел почти параллельным курсом, ощупывая «Комету» прожектором и понемногу отставая.

– Прорвемся? – хриплым голосом спросил Бухгалтер.

– Прорвемся, если не начнут палить. Сейчас мы идем километров семьдесят. Если дизели потянут, можно попробовать выжать девяносто. У погранцов мощи не хватит...

– «Комета-17», «Комета-17»! – вдруг пробасила рация. – Предлагаю остановиться для досмотра!

Испуганно посмотрев на рацию, Бухгалтер снова оглянулся и прошипел:

– Не отстают, суки!..

– Может, остановиться и грохнуть их из гранатометов? – быстро спросил Салман.

– А потом что?! – в бешенстве проорал Бухгалтер. Салман испуганно покосился на него, но Бухгалтер уже взял себя в руки и сказал: – Может, поговорить с ними? Грохнуть всегда успеем.

– А что я скажу?

– Скажешь, что Ардзинбу везешь.

– Я «Комета-17»! Чего? – проговорил в рацию Салман.

– Предлагаю остановиться для досмотра!

– Какого досмотра? Вы чего? Своих досматривайте, российских! У меня президент на борту!

– Что у вас на борту?

– Не что, а кто! Президент Абхазии Ардзинба!

Рация умолкла, в мучительном ожидании прошла секунда, потом вторая, и прожектор вдруг погас. Во внезапно наступившей кромешной темноте Бухгалтер издал какой-то странный хрюкающий звук и наугад хлопнул Салмана по плечу:

– Получилось, Салман, а! Получилось!

– Ага! – радостно крикнул Салман, щуря глаза и пытаясь хоть что-то разглядеть в рубке после слепящего света прожектора.

Глава 8

Расцветенный яркими гирляндами «Рассвет» все дальше и дальше уходил в море. За кормой полыхало растянувшееся на сто пятьдесят километров зарево Большого Сочи. Город тоже не спал в эту ночь, оттягиваясь по полной программе в предчувствии конца сезона. Но и на «Рассвете» было довольно весело.

Олигарх Лопухин в окружении охраны прохаживался по палубе. Его гладкая лысина отражала блеск гирлянд и топовых огней. Подписание протокола о намерениях с представителем местного муниципалитета прошло на «ура» под аплодисменты разогретой публики. В настоящий момент представитель муниципалитета уже всю блевал на корме, стоя на коленях и просунув голову в отверстие для канатов.

Страшного в этом ничего не было. Даже наоборот. Лопухин не поскупился, и недостаток в горячительных напитках не предвиделось. Народное гуляние на прогулочной палубе только набирало обороты, так что у представителя муниципалитета были все шансы присоединиться к нему, зайдя по второму и даже по третьему кругу.

Публика на «Рассвете» подобралась раскованная и в некотором роде даже отчаянная. Состояла она в основном из представителей столичных массмедиа, находившихся в Сочи на отдыхе. Впрочем, следуя указаниям Лопухина, его помощники не погнушались пригласить и околостолничных, и даже совсем не столичных представителей пишущей и снимающей братии. В общем, компания подобралась довольно пестрая, но именно этого Лопухин и добивался.

Он лично поздоровался со многими журналистами, ценя их расположение. Своих телеканалов и газет у Лопухина не было, и их отсутствие он умело компенсировал светскими мероприятиями, где любил порыдать в жилетку о тяготах своей олигархической жизни.

Но сегодня рыдать Лопухин не собирался. Цель у него была другая. Он просто хотел напомнить всем, что по-прежнему жив, здоров, бодр и энергичен, несмотря на кризис, нападки недругов и прочие катаклизмы. Отошедший на некоторое время в тень, Лопухин планировал в ближайшее время вернуться на финансовый небосклон и повернуть одну остроумную операцию. А в сферах, где он обитал, положительный имидж преуспевающего дельца ценился едва ли не больше реальных денег. Именно такой имидж позволил Лопухину в свое время по локоть засунуть руки в казенные деньги и стать тем, кем он был сейчас.

Лопухин не спеша передвигался по прогулочной палубе, без усталости раскланиваясь, пожимая потные руки и лобызаясь с окосевшими дамами. Завершив очередной круг, Лопухин украдкой оглянулся и решил, что немного музыки будет в самый раз. Во всяком случае, он надеялся, что танцы со скачками слегка протрезвят публику. Он повернулся в сторону директора певички и тут же узрел вконец помятого субъекта, вынырнувшего из-за надстройки.

Судя по блуждающему взгляду, товарищ уже успел не только набраться, но и проспаться. И теперь «трубы» у него внутри не то что горели, а прямо лопались.

– О боже! – негромко проговорил Лопухин. – А этот откуда?..

Вопрос, конечно, был чисто риторическим, но стоявший позади помощник его услышал и тут же склонился к уху шефа:

– Кажется, с Екатеринбургского телевидения, из новых. Уточнить?

– Да нет, – пожал плечами Лопухин. – Зачем мешать человеку? Пусть отдыхает.

– Понял, – кивнул помощник.

Пока Лопухин разговаривал с директором певички, Костя Кудинов – а вынырнул из-за надстройки именно он – спустился по невысокому трапу и затесался в толпу. Здесь после

недолгих поисков он и припал к живительному роднику в виде подноса с шампанским. Уже после второго бокала Косте заметно полегчало, и он даже смог оглянуться по сторонам.

Агеев по-прежнему был на мостике, и именно это позволило Косте совершить столь удачный маневр. Несмотря на шесть месяцев беспробудного пьянства, здоровье у него по-прежнему было хоть куда, что могло поставить в тупик не одно медицинское светило. Поэтому усвоить сто пятьдесят граммов выпитой в баре водки и бутылку коньяка оказалось для Костиного организма сущим пустяком.

Другое дело, что результатом такого разгула явилось катастрофическое обезвоживание тела, в просторечии именуемое «сушняком», и проснулся Костя в таком жутком состоянии, что другой на его месте, наверное, не смог бы подняться, не то что выбраться из каюты. Но Кудинов был тренированным бойцом, приученным держать и не такие удары судьбы.

Сделав несколько специальных дыхательных упражнений по системе саморегуляции, Костя наконец смог подняться. Понять, где он находится, ему, правда, удалось не сразу. Ударившись по очереди о все четыре переборки, он кое-как обследовал каюту, но холодильник так и не нашел. Потом случайно влетел в дверь санузла и припал к крану.

Некоторое облегчение это принесло, но градусов в воде не было, а изможденный Костин организм их требовал. Дверь каюты оказалась запертой на ключ, и Косте пришлось десантироваться в иллюминатор. Грохнувшись на палубу, он здорово помешал какой-то парочке, но тут же извинился.

В общем и целом Костя уже сориентировался в ситуации, а остальное было делом техники. После трех бокалов шампанского он очень быстро пошел на поправку. Даже чересчур быстро, хотя Костя этого, конечно, уже не осознавал, поскольку находился как раз в том блаженном состоянии между жесточайшим похмельем и очередной «отключкой», ради которого, собственно, и живут пьяницы.

Настроение было прекрасное, пелена наконец спала с глаз, и он просто наслаждался чудесной ночью и замечательным парходом. Умело подсвеченная и расцветенная прогулочная палуба просто заворожила Костю буйством красок, уютом и атмосферой непринужденного веселья.

И Косте вдруг ужасно захотелось, чтобы все это никогда не заканчивалось, а продолжалось вечно. Тем более что в толпе непрерывно сновали с подносами отменно вышколенные, а для кого-то и отменно сексапильные стюарды. На их сексапильность Косте было наплевать, а вот от их услужливости он был просто в восторге.

Вскинув руку с пустым бокалом, он уже через несколько секунд стал счастливым обладателем нового – наполненного до краев – и сделал приличный глоток. Тут в динамике что-то протяжно прогудело, Костя посмотрел на сцену и недоверчиво моргнул. У микрофона с опущенной головой стояла та самая молодая певица, которой в последние два месяца заслушивались все. Костя даже знал, как ее зовут – Серафима.

Выглядела она, конечно, странно. Ощущение было такое, что на сцену выскочила прямо из джунглей. Хотя, судя по всему, ее визажисты с имиджмейкерами именно такого эффекта и добивались. Прическа Серафимы была точь-в-точь скопирована из старого мультфильма про Маугли – вплоть до спадающей на глаза пряди черных волос. Дополняла этот диковатый образ татуировка в виде знака доллара на оголенном плече. Обозначала она, конечно, не доллар, а первую букву имени на английском языке.

Это Костя понял, но дело было в другом. Дело было в том, что Серафима запела совсем новую песню, которую Костя слышал первый раз. И песня эта Косте жутко понравилась. Да что там понравилась – Костя от нее просто обалдел. Слова там были такие:

Ночь. Фонарь. Долька месяца.
От тоски бы повеситься.

Тени город одели в темное.
Надоели прогулки стремные.
Так и тянет завывать на луну.

Дальше шел припев:

Не будите собаку спящую,
Безобразную и рычащую.
Не будите собаку стремную,
Одичалую и бездомную.
Но почему?.. Но почему?..

Слова, конечно, дурацкие. И смысла в них не было почти никакого. И все равно эти дурацкие слова настолько понравились Косте, что у него даже слезы выступили на глазах. А Серафима тем временем продолжала:

Утро смоем плевки на месяце.
Загудят голосами лестницы.
Вновь открою окно постылое.
Город в глянце, а я унылая.
Я ему объявляю войну.

В общем, второй припев Костя орал уже вместе со всеми, а в перерыве между песнями умудрился заглотить сразу два бокала. Кончилось все тем, что он вдруг «поплыл». Но перед тем как вырубиться окончательно, его еще понесло к сцене. То ли он хотел расцеловать Серафиму, то ли спеть с ней дуэтом – никто так и не понял.

– О господи! – вздохнул Лопухин. – Ну Екатеринбург и дает! Уберите его, пусть проспится где-нибудь...

Двое охранников в строгих костюмах метнулись к сцене и сноровисто подхватили Костю под руки. В этот момент выглядел Кудинов, конечно, по-свински. Особенно на фоне подтянутых, безукоризненно выбритых и опрятных телохранителей Лопухина.

Дотащив Костю до лифта, они спустили его вниз и бросили на койку в двухместной каюте третьего класса. Каюту эту пассажирский помощник заблаговременно приготовил именно для таких случаев. Правда, сказать, что Костя был признателен за такую заботу о себе, было нельзя.

По дороге он мычал припев, брыкался и порывался куда-то бежать. За что и получил пару раз по ребрам от крутых охранников Лопухина.

Глава 9

– Ничего не пойму, – растерянно сказал Салман, посмотрев на Бухгалтера. «Комета» уже около часа кружила далеко в море напротив Сочи, но большого пассажирского судна, о котором говорил Бухгалтер, засечь радаром не удавалось. – Может, никакого парохода тут нет, а? Может, он и не выходил из порта?

– Выходил, – процедил сквозь зубы Бухгалтер. – Артур сам видел. Ищи.

– Тогда, может, попробоваться еще отойти от берега?

– Пробуй, – мрачно проговорил Бухгалтер. – Не найдешь – пеняй на себя.

В голосе Бухгалтера чувствовалась неприкрытая угроза, и его слова не были пустым звуком. После случая с пограничным катером Бухгалтер настолько уверился в конечном успехе, что теперь готов был прикончить Салмана, даже не дожидаясь возвращения на берег. Салман это понимал, и в рубке повисла зловещая тишина.

Брат Бухгалтера, Артур, в его отряде не воевал и в розыске никогда не числился. Это позволяло ему длительное время довольно успешно заниматься финансовыми делами Бухгалтера. Именно Артур получал выкупы за освобождение заложников и продавал нефтепродукты, полученные на кустарном мини-заводе Бухгалтера.

Сейчас Артур находился в Сочи и сообщал по сотовому телефону всю необходимую информацию. Именно Артур вел предварительные переговоры с Хромым Гиви и утрясал с ним все детали. Знакомы они были давно – настоящий абхазский паспорт, с которым Артур совершенно официально разгуливал по Сочи, тоже в свое время выправлял Гиви.

Артуру Бухгалтер доверял как самому себе. И вся операция строилась именно на этом доверии. Поэтому Бухгалтер не допускал даже мысли, что Артур мог его подвести.

Салман, который своими рассказами о прежней работе на Каспии и надомнил Бухгалтера захватить именно судно, стоял сейчас в полумраке рубки и отчаянно вглядывался в светящийся экран радара. Он чувствовал настрой Бухгалтера и понимал, что в случае чего именно ему уготована роль козла отпущения. Как происходят казни, Салман за время пребывания в отряде видел не раз. От одной мысли об этом у него все холодело внутри...

Он настолько не хотел умирать, что заметил показавшиеся далеко впереди огни «Рассвета» еще до того, как его засек радар.

– Вижу! Я вижу его, Бухгалтер! – истерично заорал он.

– Где? – подался Бухгалтер к экрану.

– Да нет! Вон там! Слева! Я его нашел! Я нашел его!

– Молодец! – кивнул Бухгалтер, и Салман понял, что его помиловали.

– Что? Сбрасывать ход? – глазами преданного пса посмотрел он на Бухгалтера.

– Да. Все, как договорились. Я пошел вниз готовить людей. Покажешь гранатометчикам антенны. И смотри ничего не перепутай! Понял?

– Понял, Бухгалтер! Понял! – возбужденно закивал Салман, еще не отошедший от пережитого испуга. – Ты же знаешь, я всегда...

– Знаю, знаю, – проговорил Бухгалтер, скрываясь в люке.

Глава 10

– Откуда тут «Комета»? – пробормотал себе под нос второй помощник, вглядываясь в бинокль. – Что, не отвечают?

– Нет, – покачал головой вахтенный рулевой от рации.

«Рассвет» лег в дрейф, главный двигатель заглушили, и из-за этого подходящую на малом ходу «Комету» заметили только тогда, когда она показалась в зоне прямой видимости.

– Доложу мастеру, – отложил бинокль второй помощник.

Капитана в каюте не оказалось, и тогда второй помощник отправил на его поиски рулевого. Было уже за полночь, но веселье на прогулочной палубе не только не затихало, а вроде бы даже усиливалось. Сменившийся двадцать минут назад Агеев пытался разыскать Кудина.

Делать это было непросто. Дважды обойдя прогулочную палубу по периметру, он спустился ниже, но среди купающихся голышом в бассейне Кости тоже не оказалось. И тогда Агеев решил попытать счастья на главной палубе.

Обогнув пароход по правому борту, Агеев нырнул в надстройку, осмотрел оба холла и закулки. Костя как в воду канул, и Агеев начал волноваться.

Выйдя из надстройки, он скользнул взглядом вдоль левого борта и вдруг увидел подкрадывающуюся к пароходу «Комету». До нее было уже рукой подать. Агеев даже не успел удивиться, потому что в следующий миг на переходной площадке «Кометы» что-то ослепительно вспыхнуло, и вверх к надстройке устремились два огненных снопа. Следом донесся двойной хлопок.

Поверить в происходящее было трудно, настолько оно казалось нереальным. Наверху оглушительно грохнуло, и на палубу сразу посыпались искры. Невольно пригнувшись, Агеев быстро задрал голову. Мостик был цел, и в первый момент он удивился. А потом увидел летящие вниз обломки антенн и все понял.

Располагались антенны в передней и средней частях надстройки «Рассвета». И когда раздалась взрывы, перепившаяся публика на прогулочной палубе приняла их за фейерверк. В пьяных восторженных воплях, свисте и улюлюканье утонули крики нескольких раненых. Но продолжалось это недолго. До того момента, когда на освещенную сцену откуда-то сзади выскочил окровавленный человек и, сделав два или три шага, вдруг рухнул вниз как подкошенный.

На прогулочной палубе началась самая настоящая паника. Люди с криками и визгами бросались в разные стороны, сшибались, падали и снова вскакивали, топча друг друга.

Агеев всего этого не видел. Сообразив, что нападавшие специально стреляли по антеннам, он метнулся обратно в надстройку и выглянул в иллюминатор.

На боковой площадке подходившей «Кометы» он увидел бородачей с повязками на головах. Агеев ходил на торговых судах не первый год и давно мыслил категориями гражданского моряка, хотя, возможно, и не отдавал себе в этом отчета. По всем инструкциям, при нападении на судно экипажу во избежание жертв строжайшим образом запрещалось оказывать сопротивление.

Это было разумно.

Но Агеев был настоящим моряком, хоть и гражданским. Инструкции предписывали также немедленно сообщать о нападении судовладельцу или властям, и Агеев понял, что нужно делать. Бросившись к внутреннему трапу, он начал выбираться наверх навстречу хлынувшему с прогулочной палубы потоку обезумевших людей. Дважды Агеева сшибали с ног, но он снова поднимался и упрямо двигался вперед.

В конце концов ему все-таки удалось выбраться на шлюпочную палубу. Народу наверху уже почти не было – только раненые осколками и те, кого затоптали. За то время, что прошло от начала внезапной атаки, Агеев услышал только два или три пушечных выстрела и несколько автоматных очередей.

Крутые с виду охранники Лопухина оказались крутыми только с виду. Лишь один из них попытался преградить путь чеченцам, но его тут же убили, и мальчики в строгих костюмах дружно поджали хвосты, побросав пистолеты за борт.

Правда, Агеев об этом не думал. Высунувшись из-за надстройки шлюпочной палубы, он подождал пару минут и метнулся к мотоботу. Крутым себя Агеев не считал, но свое дело знал хорошо. Он не задумывался о том, рискует или нет, просто выполнял свою работу и оставался, пожалуй, единственным, кто смог сохранить самообладание.

У многих были спутниковые телефоны, но никто не догадался позвонить на берег и сообщить о захвате судна. Ни один человек. Во время возникшей паники это было неудивительно. У Агеева спутникового телефона никогда не имелось, и он такую возможность тоже как-то упустил из вида.

Зато Агеев придумал кое-что получше. Бросившись к мотоботу, он взобрался наверх, с трудом открыл люк и начал подтягиваться в него. Внутри мотобота вместе с другим снаряжением находился аварийный буй. Мощность его передатчика была небольшой, и Агеев не знал, смогут ли услышать сигнал «SOS» на берегу или других судах.

Но если бы ему удалось включить буй, то сигнал наверняка засекали бы спутники глобальной системы слежения «КОСПАС-САРСАТ». И не только засекали, но и определили бы координаты терпящего бедствие судна с точностью до нескольких метров.

Подтянувшись на руках, Агеев попытался закинуть в люк ногу, но сорвался. Вторая попытка оказалась удачной, он зацепился ногой и уже начал переваливаться внутрь ярко-красного мотобота. Не хватило какой-то секунды.

Засевший внизу на «Комете» снайпер зафиксировал Агеева в перекрестье прицела и плавно нажал на спуск. Раскатисто грохнул выстрел. Пуля попала Агееву в голову и снесла полчерепа, забрызгав внутренности мотобота белесой жижей и желтоватыми осколками кости. Бездыханное тело полетело вниз, ударилось о леерное ограждение шлюпочной палубы, зацепило перила прогулочной и после этого скатилось прямо под ноги Бухгалтеру. Только-только поднявшийся на борт захваченного «Рассвета», Бухгалтер вытер с лица брызги крови, перевернул тело Агеева ботинком и с хищной улыбкой произнес:

- Ай да молодец, Казбек! Классный выстрел! Любая телка твоя! Какая захочешь!
- Я двух хочу! – отозвался снизу снайпер.
- Можно и двух! – оглянулся Бухгалтер. – Все они теперь наши!

Глава 11

Когда раздалась взрывы, Серафима отдыхала в своей каюте. Испугавшись, она выскочила в безлюдный коридор и оглянулась по сторонам. В этот момент дверь, выходящая на прогулочную палубу, с грохотом распахнулась и в коридор ворвался поток обезумевших людей.

Отскочить обратно в каюту Серафима не успела, и ее буквально снесло этим потоком. Каким-то чудом она смогла удержаться на ногах, и это спасло ей жизнь. Толпа ломанулась в конец коридора к главной лестнице. Люди орали, визжали, толкались и напирали друг на друга. Казалось, наступил конец света.

У главной лестницы коридор поворачивал под прямым углом, переходя в широкий холл. Под напором толпы бежавшие впереди не смогли вовремя завернуть. Их буквально впечатали в стенку. Нескольким несчастным сломали ребра, кого-то почти раздавили.

Серафиме повезло. Она оказалась в самом углу, в стороне от того места, куда пришелся главный удар обезумевшей толпы. Серьезных травм она избежала, хотя синяков, ссадин и шишек получила в достаточном количестве. Пару секунд спустя толпа схлынула, устремившись в холл, и Серафима вздохнула спокойно.

Но почти сразу ее подхватила вторая волна. Она снова побежала вместе со всеми – неведомо куда, не разбирая дороги и боясь только одного – упасть и быть затоптанной. Перед глазами мелькали пролеты лестницы, перекошенные лица, двери и коридоры. Все вопили и орали, а вдобавок к этому снаружи время от времени доносились выстрелы.

Сколько это продолжалось, Серафима не знала. Она окончательно выбилась из сил и уже не могла даже кричать. А потом ей неожиданно повезло. Из главного холла, куда направлялась толпа, ее совершенно случайно подтолкнули в узкий коридорчик.

Оказавшись в нем, Серафима наконец-то смогла по-настоящему перевести дух. Людей в коридорчике почти не было. Она оглянулась по сторонам и увидела совсем рядом приоткрытую дверь с какой-то надписью. Что на ней было написано, прочитать Серафима так и не успела. За углом, в главном холле, раздался страшный треск, потом ударила автоматная очередь, и кто-то с кавказским акцентом проорал:

– Лажись! На пал, суки, на пал! Ну!

Происходящее смахивало на кошмарный сон. Люди с грохотом и воплями валились на пол, их били прикладами, пинали ногами и подгоняли криками. В ужасе Серафима развернулась и бросилась в приоткрытую дверь.

Там виднелась узкая лестница. Серафима вихрем слетела вниз, выскочила в какой-то коридор и побежала со всех ног. Дважды повернув, она вскоре уткнулась в другую лестницу, ведущую наверх, вернулась назад и снова нырнула в какой-то коридор.

Как и другие пассажиры, которым удалось выскользнуть из главного холла, она хотела спрятаться где-нибудь поглубже в чреве огромного парохода, забиться в какую-нибудь щель и переждать в ней весь этот ужас. Но судьба сыграла с Серафимой злую шутку. Не имея опыта, она сразу заблудилась в переплетении коридоров нижней палубы. Выбиваясь из сил, она мчалась от лестницы к лестнице, от поворота к повороту, даже не подозревая, что уже давно бежит по кругу.

В третий или четвертый раз вынырнув у одной и той же боковой лестницы, Серафима услышала доносящийся сверху топот и слова на непонятном языке. Из последних сил она бросилась в конец коридора и повернула за угол. За стуком собственного сердца она не слышала голосов и остановилась, когда было уже поздно.

Из-за угла, от лифта, внезапно вынырнул чеченец. Выглядел он точь-в-точь так, как показывали в новостях по телевизору – в камуфляжной форме, с бородой, автоматом, огром-

ным ножом на поясе и зеленой повязкой на голове. На какую-то секунду Серафима оцепенела, а потом бросилась обратно. Чеченец с гоготом тяжело затопал ботинками следом. Он настиг ее и, чмокнув слюнявыми губами, рванул майку у нее на груди.

Майка треснула, но на этот раз Серафиме удалось вырваться, проскочив у чеченца под рукой.

– Стаять, сучка! – крикнул он, бросаясь следом. – Хуже будет!

Хуже того, что происходило, быть не могло, поэтому Серафима полетела по коридору изо всех сил, надеясь на чудо. Страх удесятерил ее силы, и Серафиме удалось на несколько метров оторваться от чеченца.

Подбегая к лифту, она услышала доносящиеся из-за угла вопли. Навстречу по узкой лестнице спускался еще один чеченец – Серафима уже видела его ноги. В ужасе оглянувшись, она сжала на груди руки и хотела крикнуть, но не смогла произнести ни звука.

Чеченец, гнавшийся за ней, был уже в трех метрах. Закинув автомат за плечо, он прямо на ходу расстегивал ширинку и облизывал слюнявый рот. В отчаянии всхлипнув, Серафима уперлась в стену и с закрытыми глазами начала сползать вниз.

Что произошло дальше, Серафима сразу и не поняла. Локоть за что-то зацепился, под ним щелкнул замок, и она вдруг опрокинулась назад. С небольшим опозданием сообразив, что оказалась в какой-то каюте. Серафима вскочила и попыталась захлопнуть дверь.

Но чеченец успел просунуть в щель ботинок, и борьба оказалась недолгой. Он навалился на дверь всей своей тушей, и Серафима, не удержав равновесия, отлетела к иллюминатору. При этом она здорово стукнулась затылком о «карман» кондиционера.

– Папалась, сучка! – процедил чеченец, подсакивая к ней и замахиываясь.

Серафима инстинктивно прикрылась руками, но чеченец в последний момент бить ее раздумал.

– Паварачивайся! – прошипел он, торопливо расстегивая ремень. – Я тэбя сзады ымэть буду!

Управившись с ремнем, чеченец рванул Серафиму за плечо, и тут за распахнутой дверью в углу каюты вдруг раздался пьяный голос:

– Н-не, я н-не п-понял, вы че?..

От неожиданности чеченец отпустил Серафиму и быстро оглянулся. Дверь заслоняла падавший из коридора свет. Там, в тени, кто-то приподнялся на кровати и устоялся на чеченца. Смотрели они друг на друга секунды три.

– Ни хера себе! – наконец вскрикнул невидимый человек, вскакивая.

На этот раз его голос был почти трезвым, а быстрота, с которой он вскочил, не оставляла времени для раздумий. И чеченец отреагировал мгновенно. Выхватив тесак, он подался вперед и рубанул вскочившего человека наотмашь по голове.

Огромный клинок хищно блеснул, свистнув в воздухе. Серафима сжалась под иллюминатором в комок и зажмурилась. Она в ужасе ожидала услышать стук отрубленной головы, падающей на пол. Судя по тому, как чеченец управлялся с тесаком, это было неизбежно.

Секунды показались Серафиме вечностью, но стука все не было. Вместо этого она вдруг услышала странный короткий звук, похожий на хлопок, а следом – негромкий треск сломанной кости. Вздвогнув от неожиданности, Серафима широко открыла глаза и наконец увидела человека, скрывавшегося все это время в тени.

Глава 12

Покинутый разбежавшейся охраной, олигарх Лопухин лежал вместе со всеми на полу в главном холле и дрожал. Чья-то подошва упиралась в голову, левая рука затекла и онемела, но Лопухин ничего не замечал. Когда его вместе с десятком других пассажиров выловили у бассейна два чеченца, Лопухин уже попрощался с жизнью, но все оказалось не так страшно. Чеченцы просто забрали у него телефон, бумажник и часы и пригнали пинками вместе с другими в холл. И теперь, упираясь головой в грязный каблук, Лопухин был по-настоящему счастлив. Почти так же, как в далеком девяносто первом, когда ему удалось нагреть государство почти на сорок миллионов долларов.

Но счастье – штука относительная и никогда не длится вечно. В счастливом неведении Лопухину оставалось пребывать недолго. Поднявшись на борт «Рассвета», Бухгалтер быстро осмотрелся, приказал еще раз проверить, не осталось ли у кого из пассажиров спутникового телефона, и приступил к поискам Лопухина.

Если бы лысому олигарху, лежавшему сейчас под фикусом, кто-то сказал, что весь этот сыр-бор затеян исключительно из-за него, он бы, конечно, не поверил. Но тем не менее это было так. И вскоре Лопухину предстояло пережить незабываемую встречу, ради которой, собственно, и был захвачен «Рассвет».

Лопухина Бухгалтер заметил в углу холла не сразу, но тут же почувствовал, как сердце учащенно забилось в его груди. Впрочем, афишировать свой интерес Бухгалтер не собирався, и на то были свои причины. Именно поэтому он разыграл небольшой спектакль, изобразив, что встретил Лопухина совершенно случайно.

- Ты смотри! – вроде как удивленно вскрикнул Бухгалтер.
- Что? – посмотрел на него Ваха.
- Вроде старый знакомый... Точно! А ну-ка выведи его потихоньку ко мне на палубу.
- А кто он? – спросил Ваха.

– Большая шишка. Когда-то крутился на самом верху. Придется ему, наверное, нам с Артуром помочь...

Когда бородатый чеченец пробрался по рукам и ногам в угол и пнул Лопухина ботинком, тот чисто инстинктивно прикинулся страусом. Уткнувшись в пол и зажмурившись, он замер и даже дышать перестал. Но уловка, которая, возможно, помогала выжить некоторым видам на протяжении миллионов лет эволюции, в данном случае не сработала. Чеченец пнул Лопухина сильнее и прикрикнул:

- Встал! Бистро!
- Кто? Я? – удивленно поднял голову Лопухин.
- Да.
- А-а... может... – проблеял Лопухин, но чеченец рванул его за плечо и подтолкнул прикладом к выходу.

- Пашел!
- Но... это какое-то недоразумение... клянусь, – бляял по дороге Лопухин.

Умирать ему, конечно, не хотелось, но, кроме этого, он испытывал еще и жуткую обиду. Лопухину казалось очень несправедливым, что почти из сотни людей, лежавших ничком в холле, чеченцы выбрали именно его. И он готов был разрыдаться.

– Пашел! – подтолкнул его чеченец через комингс-площадку на палубу. – Вдоль борта! Ну!

Тут Лопухин вдруг понял, что сейчас его пристрелят, и предпринял последнюю отчаянную попытку спасти положение.

- Но... товарищ! – выдохнул он, оглядываясь. – Зачем? Не надо! Я вас прошу!
- Казел тебе товарищ! Пашел, я сказал!

Подталкиваемый чеченцем, Лопухин успел уже второй раз за пять минут распротаться с жизнью, когда впереди, в темноте, раздался чей-то голос:

- Все, Ваха! Я сам с ним поговорю.
- Ага, – сказал чеченец и затопал по палубе обратно к надстройке.

Лопухин судорожно сглотнул слюну, оглянулся и словно прикипел глазами к темнеющему впереди силуэту. Метрах в трех от него, облокотившись о борт, стоял человек. Разглядеть его как следует Лопухин не мог, но голос показался знакомым. Настолько, что Лопухина тут же бросило в пот.

- Привет, Лопух! – наконец повернул голову Бухгалтер. – Что, не узнал?
- Ты?.. – хрипло проговорил Лопухин.
- Я, а кто же еще?
- О боже!..

- Что-то ты не рад нашей встрече, а, Лопух?
- Да нет, Бухгалтер, я очень рад, но...
- Но ты думал, что меня убили и мои восемьсот тысяч стали твоими, так?
- Нет, Бухгалтер! Нет! Наоборот...

– Ладно, – вдруг поднял руку Бухгалтер. – Мы с тобой старые деловые партнеры, поэтому давай к делу.

- Давай, Бухгалтер, давай! – с готовностью закивал Лопухин.
- Тебе очень не повезло, Лопух.
- Да?..

– Да, Лопух, да. Сперва ты закилил и не перечислил вовремя мои деньги, а теперь оказался в плохом месте в плохое время.

- Но... я готов...

– Заткнись. Времени нет... В общем, кино, Лопух, такое. Этому пароходу и всем, кто на нем останется, конец. Я сейчас уплываю по делам, и, на твоё счастье, у меня есть одно свободное место. В память о наших давних фуфлыжных авизо я мог бы тебя, конечно, прихватить, но мне нужны мои деньги.

- Я согласен!
- С процентами.
- Я согласен, Бухгалтер! Как только я вернусь в гостиницу, я сразу...
- Заткнись!
- Что?..

- Заткнись. Пока я не получу деньги, ни в какую гостиницу ты не вернешься.
- А как же...

– Заткнись, я сказал. И это, Лопух, еще не все. Билеты сейчас сильно подорожали. Очень сильно. Проезд в один конец обойдется тебе в десять миллионов долларов.

- Во сколько?
- В десять. Это последняя цена.
- Мне придется вылететь в Москву и срочно выдернуть деньги из одной...
- Ты не вылетишь ни в какую Москву, – напомнил Бухгалтер.
- А как же я смогу тогда перечислить тебе деньги?

– Никаких перечислений не будет. Не прикидывайся валенком, Лопух. Деньги мне нужны наличными. Завтра к середине дня. Здесь, в Сочи. И без «хвостов».

– Так, – проговорил после паузы Лопухин. – Ты хочешь, чтобы я успел выдернуть деньги до того, как станет известно о захвате?

- Молодец, Лопух. Соображаешь.

– Стараюсь, – вздохнул Лопухин. – Если я позвоню прямо сейчас, это в общем-то возможно. Часа за три деньги смогут извлечь из хранилища. К утру подвезут в аэропорт. Самолет нанять не проблема. Но...

– Что?

– В хранилище банка только два миллиона. Это все, что я могу взять, Бухгалтер.

– Пять и ни цента меньше!

– В хранилище нет таких денег. Два с половиной – максимум!

– Четыре, Лопух! Только ради знакомства!

– Я могу наскрести три, но банк должен с чем-то работать!

– Закроешь на аудит!

– Какой аудит? А клиенты?

– Клиенты – это твои проблемы, Лопух.

– Ладно, – покорно вздохнул Лопухин.

– Три.

– Но сотни или двух может не хватить.

– Черт с тобой, звони. Деньги должны быть в четырнадцать ноль-ноль на турбазе «Эдельвейс» у водопада!

– Но у меня забрали телефон!

– Держи. Давай, Лопух, не жмись. Твоя жизнь стоит больше.

– Хорошо, я звоню, Бухгалтер. Но мне нужны гарантии.

– Что?..

– Гарантии, – повторил Лопухин.

– Какие гарантии, Лопух? Мы же с тобой старые друзья.

Я мог бы отрубить тебе руку или отрезать нос, но я ведь этого не сделал? Верно?

– Да, – кивнул Лопухин. – Но... А если я останусь на пароходе?

– Что?..

– А если я останусь на пароходе? Ты получишь деньги и сразу позвонишь, чтобы меня отпустили, а? Террористы ведь всегда отпускают нескольких заложников?

– Ты что, дурак? – искренне удивился Бухгалтер. – На этом пароходе умрут все, можешь мне поверить.

– А что же тогда делать?

– Звонить. Как только мой человек получит деньги, я отпущу тебя на все четыре стороны. И знаешь почему?

– Почему?

– Потому что с тебя мертвого, Лопух, я денег уже не получу. А так, может, когда и встретимся...

– Ладно, – решительно кивнул Лопухин.

Потыкав большим пальцем в кнопки, он быстро переговорил с Москвой, дал четкие и лаконичные указания заместителю управляющего банком и своему ближайшему помощнику. Бухгалтер остался доволен услышанным и, забирая телефон, даже хлопнул Лопухина по плечу:

– Молодец, Лопух! Давно бы так. Ваха! Ваха!

– Я тута, Бухгалтер!

– Собери людей. Этого спустите на «Комету».

– Дагаварились?

– Да.

Пока Лопухин неловко спускался по штурмтрапу на «Комету», у левого борта собралась большая толпа боевиков. Повернувшись к ним, Бухгалтер с чувством сказал:

– Сам аллах смотрит на нас в эту минуту! Мы сделали то, что должны были сделать. Я покидаю вас, чтобы нанести врагу последний смертельный удар. Но, чтобы выманить его из московского логова, вы должны сражаться так, как подобает воинам аллаха. Свободная Ичкерия вас не забудет! Ваха!

– Я!

– Ты помнишь все? Бумажки не потерял?

– Нет, Бухгалтер!

– Аллах акбар!

– Аллах акбар! Аллах акбар!.. – разнеслось над палубой.

Бухгалтер в последний раз оглянулся и перекинул ногу за борт. Спускаясь по штурмтрапу под взглядами боевиков, он думал о том, какие они все-таки идиоты. Им даже и в голову не приходило, что они вовсе не воины аллаха, а всего лишь пешки в игре Бухгалтера и умереть им предстоит не за свободную Ичкерию, а за три миллиона американских долларов из лопухинского банка.

Естественно, что никакого покушения на президента России Бухгалтер устраивать не собирался. У него был несколько другой план. Оставшегося на берегу Аслана вместе с Салманом должны были убить абхазцы. Лопухину тоже уготована смерть, но только после того, как Артур получит деньги. Турецкие паспорта на него и Бухгалтера уже давно надежно спрятаны в горах.

В общем, рассчитал Бухгалтер все до мелочей. Ему здорово везло, и все шло как по нотам. Но удача – понятие относительное. Бухгалтеру в счастливом неведении оставалось пребывать недолго. Он был как раз на середине штурмтрапа, когда корпус «Кометы» вдруг несколько раз сильно вздрогнул и за кормой забурлила вода.

К этому времени Бухгалтер стал уже опытным моряком и сразу сообразил, что Салман просто решил немного прогреть дизели. Мысленно похвалив его за усердие, Бухгалтер решил, что убьет его совсем немного.

Лопухин в сравнении с Бухгалтером был еще моряком неопытным. Он стоял на боковой площадке и, когда корпус «Кометы» вздрогнул, едва не свалился в воду между носом и бортом «Рассвета». На счастье Лопухина, рядом раскачивался штурмтрап. Вцепившись в него, Лопухин повис в нелепой позе, отчаянно цепляясь ногами за край площадки.

В этот момент двигатели «Кометы» вдруг взвыли, и она тронулась с места, быстро набирая ход.

Глава 13

Опустив обмякшее тело чеченца на пол, человек стремительно выпрямился, выглянул в коридор и тут же прикрыл дверь. Несмотря на то что на свету он пробыл какую-то долю секунды, Серафима его сразу узнала. Это был тот самый пьяница, который сегодня пытался взобраться к ней на сцену. И выглядел он как типичный алкоголик – взлохмаченный, обросший и помятый. Самое удивительное, что движения его были настолько резкими и точными, что в эту долю секунды он походил не на человека, а на исправно работающий механизм.

– Не вздумай орать! – прошипел он в темноте.

По коридору, переговариваясь между собой и громко смеясь, прошли чеченцы. Человек метнулся к двери.

– Тихо! Поняла?

– Да.

Чеченцы явно кого-то искали.

– Их много?

– Да, да, – прошептала Серафима.

– Сколько?

– Не знаю.

– А откуда они тут взялись?

– Не знаю.

– Здорово. Ты Серафима, да?

– Да. А вы кто?

– Я? Кудинов. Но сейчас это неважно.

Повозившись с дверью, Костя заблокировал ее и метнулся к иллюминатору.

– Подвинься.

Осторожно открутив винт, он выглянул наружу и тихонько присвистнул.

– Здорово.

– Что?

– Карета на подводных крыльях подана. В общем, так, Серафима, я пошел...

– Вы что, хотите уплыть?

– Мысль в общем-то верная, но, боюсь, не получится. Свяжешь две простыни. Когда стукну, опустишь.

– А вы... вернетесь?

– Постараюсь, – пожал плечами Кудинов, протягивая Серафиме автомат. – Если нет, смотри по обстановке.

Иллюминатор в каюте был круглый и совсем маленький. Несмотря на это, разувшийся Костя на удивление легко проскользнул наружу и практически беззвучно ушел в воду.

Серафима осторожно выглянула. Море поблескивало метрах в полутора внизу. Справа метрах в тридцати виднелась низкая корма «Кометы». Кудинов набрал воздуха и нырнул. Серафима досчитала до десяти, потом до двадцати и наконец до тридцати. Кудинов над водой так и не появился.

Серафима решила, что он утонул. Когда от «Кометы» донеслись жуткие крики «Аллах акбар!», она испуганно подалась к стене и нащупала автомат. А потом ей показалось, что чеченец шевелится на полу...

Глава 14

Вынырнув в тени у левого борта «Кометы», Кудинов немного отдышался и, приложив ухо к корпусу, прислушался. На борту кто-то находился. Скорее всего один человек. Он возился в районе ходовой рубки – это было хорошо слышно.

Потом сверху тяжело спрыгнул кто-то еще, но в надстройку не пошел. Двинувшись вперед, Костя осторожно выглянул из-за посадочной площадки. Левый борт «Кометы» был безлюдным. Костя подтянулся на руках и почти бесшумно скользнул вверх.

У чеченцев проходило какое-то сборище, нечто вроде политзанятий. Тенью скользнув в средний салон, Костя подкрался к ходовой рубке и увидел, как из носового салона вынырнул чеченец. Он вошел в приоткрытую дверь рубки и взялся за поручни. Метнувшись следом, Костя сгибом локтя зафиксировал шею противника и одним движением сломал ему позвонки.

Сверху раздались вопли «Аллах акбар!». Костя быстро оглянулся и опустил мертвое тело в угол под трапом. На правой площадке «Кометы» стоял какой-то лысый тип в белых штанах и рубашке. Он ничего не услышал и продолжал таращиться по сторонам. На чеченца он явно не походил, и оружия у него не было.

Пожав плечами, Костя скользнул по трапу вверх и быстро осмотрелся. Все шло вроде неплохо. Сверху кто-то спускался по штурмтрапу, но это уже не имело значения. Запустив дизели, Костя вывернул штурвал вправо и переместил рычаг топливной рейки вперед. Когда «Комета» тронулась с места, Костя уже двигался вниз по поручням трапа.

Глава 15

Все произошло настолько неожиданно, что и Бухгалтер, и боевики наверху на пару секунд просто оцепенели.

– Стой, Салман! Стой, сука! – наконец заорал Бухгалтер.

Но «Комета» и не думала останавливаться. Наоборот, она все ускорялась. Дизели ревели, вода бурлила, и «Комета», царапая краем правой площадки обшивку «Рассвета», уходила по дуге к его носовой части. Олигарх Лопухин к этому времени в темпе спринтера проскакал от рубки к корме «Кометы» и теперь барахтался в воздухе, пытаясь зацепиться ногой за штормтрап.

Происходящее было для Бухгалтера настоящей катастрофой, и он завопил:

– Стреляйте! Стреляйте! Остановите его!

Боевики наконец вышли из оцепенения, но попасть в «Комету» было не так просто. Двигаясь вплотную к «Рассвету», она уже почти скрылась под носовым выступом корпуса. Одновременно заработали два или три автомата, но существенного вреда «Комете» они не нанесли. Пули попали в основном в левую боковую площадку и верхнюю часть надстройки.

Первым понял, что нужно делать, Ваха.

– На нос! На нос! – завопил он. – Бистро!

Боевики бросились вдоль борта вперед. В отличие от кормы, нос судна утопал в темноте. Так было положено – чтобы не слепить вахтенных при движении. В этой темноте боевики спотыкались, падали, матерились и вскакивали снова.

Тягаться с двумя мощными движками «Кометы» им было не под силу. У носа парохода «Комета» оказалась первой, и тут же от нее что-то отделилось и плюхнулось в воду. Естественно, что ни увидеть, ни услышать этого никто из боевиков не смог.

В последний раз проскрежетав площадкой по носу «Рассвета», судно на подводных крыльях устремилось в море. Обе топливные рейки стояли на отметке тридцати процентов, и двигалась судно довольно медленно – не более пятнадцати узлов. Вывод дизелей на номинальные обороты требовал времени, которого у Кудинова просто не было.

На скорости в пятнадцать узлов «Комета», естественно, не «вышла» на крылья, к тому же продолжала заворачивать вправо. В таком положении она стала идеальной мишенью для боевиков. Выстроившись на носу по правому борту парохода, они поливали «Комету» из автоматов, матерились и что-то злобно кричали.

Освещенная рубка «Кометы» скользила над гладью воды. Надстройка искрилась от многочисленных попаданий боевиков, но дизели по-прежнему работали, и «Комета» хоть и медленно, но верно уходила все дальше и дальше.

Бухгалтер успел вскарабкаться наверх и подбежал к правому борту. Происходящее здорово выбило его из колеи, но даже в критической ситуации ему удалось сохранить остатки самообладания. И Бухгалтер практически сразу принял единственно верное решение.

– «Муху»! – заорал он. – «Муху», быстро!

Следующие секунды показались Бухгалтеру часами. Гранатометы лежали в выгруженных на палубу ящиках. Один из чеченцев тут же метнулся к ним. Делал он все достаточно быстро, но Бухгалтер по-прежнему продолжал громко его подгонять.

И только когда гранатометчик целился, Бухгалтер подался назад и наконец замолчал. Прошла секунда, потом вторая, и гранатомет раскатисто ухнул. Граната устремилась к «Комете». В какой-то момент Бухгалтеру показалось, что она пройдет мимо, но выстрел оказался точным.

Слабо освещенная рубка вдруг вспыхнула изнутри ослепительным пламенем и разлетелась в куски. Звук работающих дизелей тут же смолк, и над «Рассветом» разлетелся победный вопль «Аллах акбар!».

Единственным, кто не кричал вместе со всеми, был Бухгалтер. Для него это была не победа, а почти полная катастрофа. И он в отчаянии заскрежетал зубами.

Глава 16

Внезапно начавшаяся наверху стрельба пришлась как нельзя кстати. Серафима дрожала в темноте от страха и неловко сжимала в руках автомат, а по коридору возвращались те же двое чеченцев и опять кого-то звали.

Серафима, конечно, не знала чеченского, но догадаться, о чем говорят кавказцы, было несложно. Один из них видел, как тот, кого они звали, заскочил в какую-то каюту. В какую, он, естественно, не запомнил. Это, наверное, и спасло Серафиму. Пока чеченцы орали у дверей соседних кают и пытались их выбить, наверху началась жуткая стрельба.

Чеченцы убежали, и Серафима обессиленно откинулась на «карман» кондиционера. Таких ужасов она еще не испытывала ни разу за всю свою двадцатитрехлетнюю жизнь. И теперь была почти на грани отчаяния. Серафима абсолютно не представляла, что делать дальше. Более того, она понимала, что сопротивляться практически бесполезно.

Осознавать это было тем мучительнее, что несколько минут назад в этом жутком кошмаре, в крошечной тьме отчаяния, промелькнул лучик надежды, и Серафима почти поверила, что все будет хорошо. Как ни странно, но надежду Серафиме неожиданно внушил тот самый пьяница. И дело было даже не в том, что он легко разделался с чеченцем. От странного, помятого, спившегося типа исходила такая уверенность, не почувствовать которую было просто невозможно.

Но тип поступил чисто по-мужски – сперва внушил бедной девушке надежду, а потом быстро смылся. То есть не смылся, конечно, а утонул, но разница была небольшая. Беззащитная Серафима снова осталась одна и едва сдерживалась, чтобы не разрыдаться от страха и безысходности. Ей даже снова показалось, что чеченец в углу каюты шевелится.

Подтянув коленки к подбородку, Серафима изо всех сил вцепилась в автомат и беззвучно всхлипнула. В этот момент под иллюминатором раздался едва слышный всплеск, и чей-то голос позвал:

– Эй! Простыню давай!

На какой-то миг Серафима просто оцепенела. А потом настолько обрадовалась, что, высовываясь, едва не пробилась себе голову о край иллюминатора. Это был он – пропойца и утопленник Кудинов. И Серафима не смогла сдержать слез.

– Ой! – шмыгнула она носом. – А я...

– Простыню давай!

– А я... не связала, – растерянно проговорила Серафима.

– Твою мать! – негромко выругался Кудинов. – Руку!

– Что-что?

– Руку давай! Ты что – контуженая?

– Нет. Я просто...

– Руку давай! – окончательно вышел из себя Кудинов. – Быстро!

– Ага!

Уцепиться за край иллюминатора и влезть в каюту Кудинову удалось не сразу. За это время он успел выложить все, что думал о Серафиме и ее куриных мозгах. К такому обращению она не привыкла и, по идее, должна была бы оскорбиться. Но обиды на Кудинова Серафима почему-то не чувствовала. Ни капельки.

Когда мокрый Костя наконец ввалился в каюту, слезы Серафимы окончательно высохли, и к ней снова вернулась уверенность.

– А я думала, что вы утонули! – почти радостно проговорила она.

Костя вздохнул и, ничего не ответив, начал стаскивать с себя мокрые штаны.

– Он вроде шевелился! – продолжила делиться впечатлениями Серафима.

- Кто?
- Чеченец, который в углу!
- О господи!.. – снова вздохнул Костя. – Как он может шевелиться со сломанной шеей?
- Да?.. – тихо спросила Серафима.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.